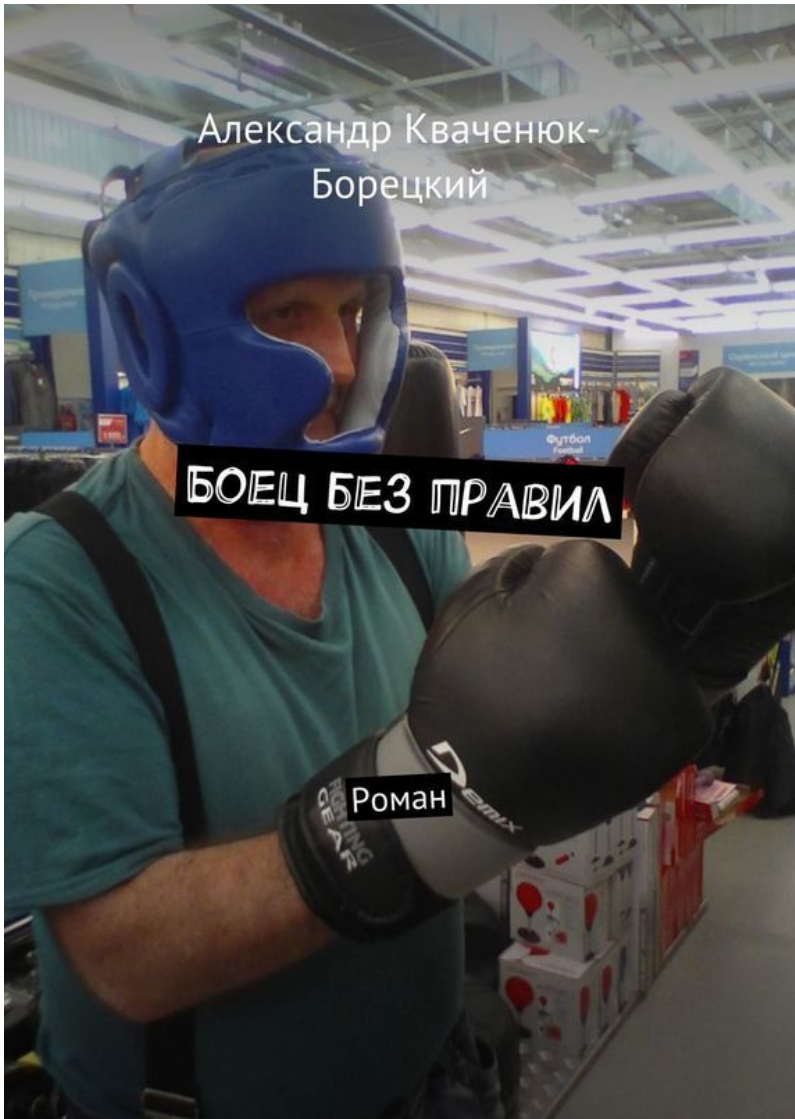

Александр Кваченюк-
Борецкий

БОЕЦ БЕЗ ПРАВИЛ

Роман

Александр Кваченюк-Борецкий

Боец без правил. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12197257

ISBN 9785447429027

Аннотация

Наша жизнь походит на бои без правил. И кубок победителя зачастую достается совсем не тому, кто этого заслуживает. Кровавый ринг стал для Глеба Горна жестоким испытанием, когда однажды неизвестный позвонил ему и предложил вернуть возлюбленную: она вдруг бесследно куда-то пропала! Для этого Горн должен проиграть в предстоящем бою, где на кону стоят большие деньги. Он прекрасно понимает, что схватка может стать для него последней. Но у Глеба нет выбора...

Содержание

1	5
2	11
3	16
4	22
5	24
6	26
7	31
8	35
9	40
10	45
11	51
12	54
13	57
14	60
15	63
16	68
17	72
18	75
19	78
20	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Боец без правил

Роман

Александр
Кваченюк-Борецкий

© Александр Кваченюк-Борецкий, 2017

ISBN 978-5-4474-2902-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отец Глеба сильно пил и пьяный частенько бил мать. И хотя мать кричала от страха и боли, и сквозь слезы молила своего обидчика о пощаде, это вызывало в нем еще большее озлобление... Глеб же, зарывшись с головой в подушку, вздрагивал всем телом, сдерживая рыдания, от жалости к матери и к себе. От ужаса, который внушал ему пьяный отец. От ненависти к нему. И еще – от бессилия!

Однажды, во время очередного пьяного дебоша, который устроил им Горн старший, Глеб не выдержал. Не выдержал, когда тот, повалив супругу на пол, стал охаживать ее кулачищами, куда ни попадя. В довершение, одной рукой схватив со стола нож, другой он вцепился в мочку уха супруги и надрезал ее.

– Ой! Спасите! Помо... помогите э э! Убива а ют!

Обезумевшая от боли женщина вопила так, что мальчуган, вскочив с кровати, с плачем бросился на помощь к ней.

– Бать! Батяня! Не надо! Не трогай ее! – кричал он, захлебываясь собственными слезами.

Не смотря на то, что ему исполнилось всего лишь десять лет, и ростом он был почти на треть меньше озверевшего родителя, это не остановило его. Скорее всего, в тот момент он не отдавал себе отчета в собственных действиях. Страшась, что в диком гневе батя ненароком прибьет бедную

мать, мальчуган готов был ради нее на все.

Схватив отца за руку, Глеб хотел вырвать у него нож. Но в ответ получил такую затрептину, что, лишившись чувств, рухнул на пол рядом с умывавшейся собственными слезами и кровью несчастной родительницей... Это было его первое поражение. Поражение, которое едва не стоило ему увечья, а может быть, жизни и потому должно было научить его побеждать... Но, как он понял потом, судьба – штука непредсказуемая!

Когда Глебу исполнилось двенадцать, отец вновь так избил супругу, что та на целый месяц слегла в больницу. Глеб навестил ее, и она шепотом, так как не могла говорить громко из-за слабости, сказала ему:

– Я больше так не могу! Я не выдержу... Чувствую я, близок мой конец!..

Глеб вернулся домой весь в слезах и мрачнее тучи. Он не знал, что сердобольные соседи написали на изувера заявление в полицию. Крики матери о помощи, хоть и с большим запозданием, были все-таки услышаны.

Вскоре отца посадили. А Глеб решил записаться на секцию бокса. Выйдя из больницы, мать, как могла, отговаривала его от безумной, на ее взгляд, затеи.

– Плохо – это! Очень плохо!

– Что плохо-то? – с наивным простодушием интересовался Глеб.

– Бить людей по лицу!

– Так, ведь спорт – такой, мам! И потом, если я и буду, кого бить, то в спортзале!.. А – так, если только сильно попросят!..

– Не рассказывай мне сказки, сынок! Что если ты, когда женишься, как твой папаша, над женой своей и детьми изгаляться станешь?!

– Никогда, мам! Слышишь, никогда! Я не хочу быть таким, как мой отец!

– Вот потому-то на бокс ты ходить и не будешь! Понял меня, нет?

– А я у тебя и спрашивать не стану! Пойду и – все!

– А я не пушу! Костями лягу, а этим дурацким мордобитием ты заниматься не будешь! У твоего отца тоже когда-то первый разряд по боксу был. Привык он кулаками махать, и чуть сиротой из-за своей пагубной привычки тебя не оставил! Да и к тому же теперь-то... Теперь-то он – где? Сам, поди, знаешь! Не вчера родился...

Но Глеб все-таки тайком от матери записался на бокс.

Как-то он вернулся со школы...

– Что – это такое?! Что, я тебя спрашиваю?! – прямо с порога накинулась на него мать.

Видимо, годы унижений и зверских побоев не прошли для нее даром. После того, как деспот-супруг оказался за решеткой, ее словно подменили. Точно и впрямь она была слегка не в себе!

Схватив боксерские перчатки, которые Глеб одолжил

у соседского мальчишки, что вместе с ним старательно посещал спортивную секцию, с дрожющими от негодования губами она трясла ими перед самой физиономией сына.

– Что, что? Разве, не видишь! Перчатки!

– Так, значит, все-таки, ты записался на этот чертов бокс!

– Ну, записался! Что – с того?! Чего орать-то из-за этого на весь дом?..

– Ах, так! Тогда гляди, что я щас с ними сделаю! С твоими перчатками!

И мать, не мешкая, ринулась к печи на кухне.

– Не надо! – сильно испугавшись, закричал Глеб. – Слышишь, не смей! Не мои – это перчатки! Соседский Гринька мне их одолжил! Ему батя две пары купил, чтоб спаррингом заниматься...

– Ничего! Раз, две купил, то и еще одну купит!

Несмотря на то, что квартира была благоустроенная, в кухне имелась печь. Кирпичный пятиэтажный дом был сделан основательно. Его еще пленные немцы сразу после войны строили. Марья Сергеевна печь топила лишь изредка. Например, когда лютые морозы на дворе были, или надо было приготовить что-то особенное к празднику. В общем, для какой-то определенной цели. Назавтра у ее сослуживицы намечался юбилей, и это был как раз именно тот случай!

Глеб с ужасом увидел, как, подцепив кочергой, мать раскрыла раскаленную до красна створку, за которой бешено плясал огонь.

– Если ты это сделаешь, я из дому сбегу, так и знай! – с отчаянием в голосе воскликнул Глеб.

Но мать уже швырнула в самое пекло одну из перчаток. И пламя, жарко полыхнув, с треском принялось за нее. Глеб без промедления кинулся к печи и, грубо оттолкнув мать, сунул руку в адский огонь.

– А а ай!

Потом весь вечер и всю ночь Глеб пролежал, не смыкая глаз в кровати и, проливая слезы на подушку, которая так вымокла от них, что, хоть выжимай! Казалось, он не обращал никакого внимания на боль в распухшей от ожога руке. Его теперь гораздо больше тревожило, что он скажет Грине? Ведь перчатка не только обуглилась сверху, но во многих местах прогорела насквозь. Так что, чем-то напоминала дуршлаг. Поэтому, если ее надеть, то сквозь дыры можно было увидеть костяшки кисти и даже запястье.

Мать, осознав, что сильно погорячилась, в глубине души жалела о своем поступке, но до поры не показывала виду.

– Ну и куда ты сбежать из дому собрался? – как будто ничего особенного прошлым вечером не произошло, спросила она на утро сына.

– Твое – какое дело?! – сквозь стиснутые зубы процедил Глеб.

– А – такое! Хочу знать, где мне потом тебя искать!

– Где, где! В Улан-Уде!

Глеб явно был не склонен делиться своими планами с ма-

терью. Ведь она, едва дотла, не спалила совсем новенькую боксерскую перчатку, от которой теперь все одно – никакого проку! К тому же, из-за ожога на руке, ему придется пропустить несколько тренировок. А – главное, как он теперь посмотрит в глаза Гришаку? Папаня в порошок его сотрет, когда узнает, что одной паре купленных им перчаток пришел трындец.

– Что – с твоей рукой? – удивился Гриня, когда Глеб, как ни в чем ни бывало, уселся рядом с ним за одну парту.

– А – так, ерунда! Малость кипятком ошпарил...

– А как же – тренировка? А – наш спарринг? – всерьез обеспокоился Гриня.

– А – никак!

Заметив круглые от удивления глаза товарища, Глеб поспешно добавил.

– Ну, с этим, сам понимаешь, чувак, придется немного повременить.

Гриня с видимым облегчением и в то же время сочувствием вздохнул.

– А то я, уж, подумал, что ты того...

– Чего это – «того»?

– Завязать решил с боксом! – честно признался Гриня.

– Ну, это – вряд ли!

«Хорошо, хоть про перчатки ничего не спросил! – подумал Глеб, свернув с привычной дороги, которая вела к нему домой. – У бабули пока поживу! Она – добрая. Она меня поймет! Не то, что некоторые...»

Глеб ужасно злился на свою мать, и от этого ему делалось еще больнее. Мало того, что вечно пьяный папаша всю жизнь их тиранил, так теперь ополоумевшая от горя роди-

тельница сменила его и, медленно и верно, превращалась в настоящего монстра!

Бабушка Глеба жила в собственном захудалом домике почти на самой окраине одного из рабочих поселков, разбросанных здесь и там, на довольно обширной территории горняцкого моногорода.

– Это, надо ж, кто по мою душу объявился!

Едва он ступил на порог, бабуля, раскрыв объятия дорожному внуку, ринулась к нему навстречу. Прижимаясь к ее теплой груди, Глеб едва не расчувствовался. Обида до самых краев переполняла его сердце. Но ему не хотелось, чтобы бабуля жалела его. Ведь он, все-таки, был мужчиной.

– Давненько! Давненько ко мне не захаживал, соколик, ты – мой! Что? Небось, соскучился? Вспомнил, что кроме матери у тебя еще и я есть!

– Вспомнил, вспомнил, бабуль! – согласно кивнул Глеб.

Отступив на шаг, старая женщина внимательно посмотрела на дорогого внука.

– Или я не права, и пришел ты ко мне совсем по другому случаю? Ладно. Садись скорей за стол! Щас досыта всем подряд накормлю. А ты сам мне все потом расскажешь. Договорились?

– Договорились, бабуль!

Глеб не хотел перечить мудрой женщине. Наоборот. Именно в ней он искал своего верного союзника.

Наконец, с обедом было покончено.

– А сколь перчатки-то стоят?

Глеб в ответ лишь пожал плечами.

– Гринька сказывал, что дорого.

– Ну, да ладно! На смерть берегла... Значит, еще рано мне помирать. Успею до этого случая денегат прикопить!

И бабуля, скрывшись в окутанной полумраком спальне, скоро вышла из нее и решительно сунула Глебу в руку довольно крупную купюру.

– А, что дальше делать... Ты сам знаешь! Одна нога – здесь, другая – там... С матерью твоей я по душам тоже поговорю...

Но та, как будто бы наперед все знала. И в то время как Глеб, ликуя в душе, примерял новенькие перчатки, внезапно объявилась на пороге отчего дома.

– Мам! Ну, зачем ты, зачем, мальчишку балуешь? Ведь извергом вырастет из-за этого окаянного бокса! Сама, что ли, не понимаешь? Мой-то придурок тоже поначалу этим грешил. Все геройствовал. Ходил по улице и всем физиономии чистил. Посмотрите, вот, мол, я – какой орел!..

– Чего ты разошлась не на шутку, Маша! Орел, сама знаешь, высоко в небе парит. А этот, твой... Тьфу! Не знаю даже, как его назвать-то! Шалопая бессовестного... Каждый день на карачках домой приползал... А, ты говоришь, орел!.. Червяк – он, дождевой, а – не птица благородная! Змей подколодный! Чтoб ему... Прости, господи!

Они еще какое-то время спорили, если это можно было

назвать спором. Но, в конце концов, Марье Сергеевне все изрядно надоело. Устало махнув рукой, она направилась к порогу.

– Как знаешь, мам! Но потом, ты во всем будешь виновата! Ты!..

– Ой, ну надо же усовестила...

– Да, нет! Это я – так. К слову...

Провожая мать, Глеб неуверенно глянул на нее исподлобья.

– Чего смотришь: давно не видел? – нахмурившись, спросила Марья Сергеевна. – Свести у тебя нет! На что попало, у бабушки последние гроши вымогаешь...

– Бабуля сама мне денег дала! Я ее не просил! – огрызнулся Глеб.

– Ну, дала, дала! – передразнила его мать. – А ты бы не брал! Но раз ты, и впрямь, как твой отец, решил быть!..

– Да, не буду я, как мой отец! Никогда таким не буду! Слышишь, ма? Сколько раз повторять?

– Ага! Зарекался медведь, когда спит, не храпеть!..

Накинув осеннее пальто, она стояла у порога, словно ждала чего-то.

– Собирайся, домой пойдем!

– А можно, я у бабули переночую?

– Нельзя! – буквально рывкнула на него Марья Сергеевна.

– Да, что с тобой такое, ей богу, творится?

Старая женщина обиженно поджала губы.

– Пусть Глеб сегодня у меня переночует! Что – в этом плохого? Ведь не чужая я – ему... И мне веселей будет! Одной-то – все время, знаешь, каково!.. А Глеб у меня и так давно не был...

– Извини, мам! Сама не понимаю, что на меня нашло...

И, толкнув дверь, она вышла в сенцы, даже не взглянув на сына.

Мария Сергеевна, хоть уже давно и разменяла четвертый десяток, до сих пор была женщиной довольно привлекательной. Черноокой, стройной, как газель, с густой прядью темных немного жестковатых волос до самых плеч. С бледно-розовым румянцем на немного впалых щеках, что придавало всегдашнему выражению ее лица некоторую утонченность и изысканность. Оставшись без мужа, она все еще надеялась устроить свою личную жизнь... И однажды ей повстречался тот, кто, как ей казалось, мог сделать ее счастливой!..

Но в действительности произошло то, чего Мария Сергеевна даже в самом страшном сне не могла себе представить...

Ухажер матери не понравился Глебу с того самого раза, как он впервые его увидел. Весь какой-то прилизанный. Взгляд из-под темных бровей хитрющий, как у человека, который собственную выгоду никогда не упустит. Марья Сергеевна звала его Витя. А иногда, наверно, для важности, Виктор Иванович. Что у него, у этого Виктора Ивановича, таилось на уме, никогда нельзя было знать наперед. Говорил он мало. Зато ел всегда за двоих. И это при его-то худобе! Когда мать Глеба о чем-нибудь спрашивала его, он неопределенно пожимал плечами или же отвечал односложно. Либо «да», либо «нет».

– Ма! И, где ты такого уroda выщепила, открой тайну? – состроив презрительную мину, однажды поинтересовался Глеб.

Марья Сергеевна строго взглянула на сына.

– Не смей так отзываться о человеке, которого ты пока что совсем не знаешь!

– Человеке?! Да он же – конченный! У него это на роже написано...

– Что?! Что ты сказал?

Мать в сердцах треснула кулаком по столу так, что тарелка, упав на пол, раскололась напополам.

Глеб никак не ожидал от нее подобной реакции.

– Ты – что, влюбилась?..

– А тебе-то – какая разница?! Ревнуешь, что ли?!

Фыркнув, Глеб равнодушно пожал плечами.

– Вот еще скажешь тоже! Было б к кому... Хоть бы раз в дом булку хлеба принес! А то сидит на твоей шее и не чешется. Как будто бы так и должно быть...

Глеб заметил, как в глазах Марьи Сергеевны блеснули слезы. А когда одна из них покатилась по ее щеке, она со злостью утерла ее ладонью.

– С отцом твоим, когда он выйдет из тюрьмы, я больше жить не стану! Ты скоро повзрослеешь. У тебя своя семья будет. А мне – что, прикажешь одной век коротать?

Почему-то Глебу стало вдруг ее жаль. «А ведь она по-своему права!» – немного поразмыслив, решил он.

– Прости, мам! Это я – так, ляпнул сгоряча, не подумав!

– Вот-вот! У тебя с твоим боксом совсем мозги отшибло. Сперва думай, а потом говори. А то, я гляжу, смотришь ты на Виктора, ну, прямо-таки, серым волчонком... Что он, скажи, тебе плохого сделал?

– Да, пока что, ничего! А сделает, сам потом пожалеет!

– Сынок, давай договоримся! Ты свои угрозы оставь при себе. Ладно? А то, не дай бог, натворишь дел, потом поздно будет! Виктор Иванович, сам знаешь, где работает. Так, что, ты поаккуратнее с ним будь...

– Ага! Мент, он и есть мент! Тот же – бандит, только – в форме...

– Прекрати сейчас же, я тебе сказала! Он – хороший и очень порядочный человек!

– Ну-ну! Только живет за твой счет...

– Так, не за твой же! – снова вспыхнула мать. – К тому же, зарплату ему пока что еще не давали...

Но Глеб ни одному ее слову не верил. Не нравился ему этот тип, и – все тут! Он, словно нутром, чуял, что тот еще себя покажет!.. Во всей своей красе!

Так оно и вышло.

Однажды Глеб, вернувшись со школы, обнаружил, что дома он – не один. «Странно! – это было первое, что пришло ему в голову. – Почему мент – не на работе?» Сняв верхнюю одежду и обувь, Глеб направился, было, в свою комнату. Но Виктор Иванович Головнин был тут, как тут! Он словно

прочел его мысли.

– Ты, я вижу, удивлен? – с деланной улыбкой спросил он.

– А чему удивляться-то? – огрызнулся Глеб в ответ. – Я бы на месте моей матери не доверил вам ключи от нашей квартиры.

– Не доверил, говоришь?

– Вот именно! Имею право!

– Конечно, имеешь! – согласно кивнул Виктор Иванович. – Только вот красть-то в вашей квартире нечего.

– Ну, это как сказать! При желании...

– Заткнись, щенок!

Виктор Иванович, аж, побагровел от злости.

– Сопляк! Мал еще со мной так разговаривать! Вот упеку тебя за решетку, будешь знать!

Сжав кулаки Виктор Иванович приблизился к Глебу почти вплотную. Ростом он был выше Глеба примерно на голову и, несмотря на то, что не отличался богатырским сложением, значительно шире в плечах.

– Интересно знать, это – за что?

Кажется, овладев собой, мент нагло усмехнулся.

– Да, за что угодно!

Подросток с нескрываемым удивлением посмотрел на него.

– Вот ты на бокс ходишь! Со всякой шпаной знаешься... Только не говори, что это – не так!

– И что – из того?

– А – то! Может, подскажешь, кто парня одного избил?.. Да, так, что на больничной койке он теперь находится?..

Глеб краем уха слышал об этом случае...

– Какого еще парня?

И Виктор Иванович назвал имя и фамилию.

– Уж, не думаете ли вы, что это сделал я?

– Откуда мне знать, что – не ты? Где – доказательства? Отвечай, недоумок!

Мент неожиданно схватил Глеба за грудки и потрянул с такой силой, что едва не сорвал тугими прорезями пуговицы его новенького школьного костюма.

– Но-но! Потихе!

Глеб с трудом сдержался, чтобы не ответить этому нахалу тройной серией ударов. Так, как учил тренер. Сначала – под дых, потом – в челюсть. Завершающий – в печень!

– Потихе?!

Виктор Иванович даже заскрипел зубами.

– Сам в отделение придешь, или повестку прислать?

– Руки! – сказал Глеб, без страха глядя прямо в глаза этому ментяре. – Руки убери, а то ни слова больше скажу!

Следователь УГРО раздумывал пару секунд, не более.

– Слышал я от пацанов про этот случай, но, кто именно беспредельничал, они не откровенничали! – спокойно сказал Глеб, когда Виктор Иванович отпустил лацканы его пиджака.

– И – все?

– И – все!

– Ну, смотри! – пригрозил мент. – Если врешь, сынок, тебе же хуже будет... Я проверю! Я еще раз поговорю с моими свидетелями. Если выяснится, что ты мне солгал, я тебя посажу... Как пить дать, посажу! Так, что будь поласковой со мной, сынок...

И Виктор Иванович скривил рот в усмешке.

– Хорошо, папочка! – не остался в долгу Глеб.

Он уже хотел пройти в свою комнату, чтобы, наконец, снять школьную форму, но почувствовал, как тяжелая ладонь легла ему на плечо.

– Да, чуть не забыл! Марии... То есть, матери твоей, лучше ничего не знать о нашем разговоре. Она – женщина нервная!.. Не правильно все поймет! Ты меня понял?

Виктор Иванович часто не ночевал дома, ссылаясь на то, что, мол, у него – круглосуточное дежурство. Но Глеб сразу заподозрил, что здесь – что-то не так! Но своими сомнениями с матерью до поры не поделился. Пользуясь тем, что дома они были одни, лишь спросил:

– Ма! Ну, на кой черт он тебе сдался, ответь?

– Кто? – занятая готовкой, не сразу поняла та.

– Да, этот, твой Витя?! Провалиться бы ему на месте!..

Марья Сергеевна, нахмурившись, лишь плотнее сжала губы.

– По-моему, на эту тему мы с тобой уже говорили! Разве, нет?

– Да, гад – он! Гад – самый настоящий! Неужели, ты этого не видишь?

Мария Сергеевна в ответ тяжело вздохнула.

– Ты пойми, Глеб! Хорошие мужики на дороге не валяются. По крайней мере, для такой, как я, никто их не припас.

Глеб недоверчиво посмотрел на мать.

– Может, ты отцу отомстить хочешь?

Уголки губ Марии Сергеевны, слегка дрогнув, поползли, было, кверху, но потом снова опустились вниз.

– Упаси бог! Сынок! Он и так, уже по самое не хочу наказан... Хватит с него и этого!

Но ответ матери явно не удовлетворил Глеба.

– Тогда, скажи мне, чем же это, ты – так плоха?

– Чем?..

Мать на секунду задумалась.

– Я – уже не молода! Раз. Я была замужем за алкоголиком, который теперь сидит в тюрьме. Два. У меня – почти взрослый сын, который, к тому же, занимается боксом и в случае чего, моему очередному ухажеру может...

– Так, пусть ведет себя прилично!

– Прилично? Это – как, скажи мне?! Таких мужиков в природе не существует... Или, по крайней мере, в нашем обществе.

– Это – почему же?

– Вот подрастешь, поймешь, когда сам мужиком станешь... Жизнь тебя так измордует, что от всех твоих благих намерений в отношении слабого пола, если, конечно, они у тебя имеются, и следов не останется...

– Маша, займи мне денег! – попросил однажды Виктор Иванович.

Марья Сергеевна даже рот приоткрыла от изумления. Такой просьбы от своего сожителя она никак не ожидала.

– Так, ведь деньги – последние, Витя!

– Ну, и – что! – возразил Виктор Иванович с улыбкой. – Через день, другой, как зарплату выплатят, я тебе все верну.

Не зная, что ответить, Марья Сергеевна, все ж таки, дала Виктору Ивановичу требуемую сумму. После этого он не появлялся в квартире у Горнов почти пару недель.

– Ты прости, Маша! – в очередной раз, едва ступив за порог, сказал он. – Срочно командировали меня в другой город... Даже не успел предупредить... Я вот – с поезда, и – прямо к тебе... Ты – не против?

– А деньги? Ты принес мне деньги, что брал у меня в долг?

– Деньги?

Виктор Иванович изумленно вытаращил на нее глаза.

– Ах, да!.. Конечно! Принес! – наконец, буквально выдавил он из себя.

Порывшись в карманах, он протянул Марье Сергеевне несколько смятых купюр.

– Понимаешь! Я ведь – с поезда... Остальные я тебе завтра принесу. У меня вся наличность – дома...

– Ну, хорошо! – согласилась Марья Сергеевна. – Только, не забудь!

– Да, что – ты, в самом деле! Я ведь тебе – не чужой... Ведь, так?

И Виктор Иванович посмотрел на нее, словно сто лет не видел.

– Я так соскучился по тебе, Маша! А ты?.. Ты скучала по мне?

Вместо того, чтобы дальше продолжать сердиться, Марья Сергеевна смущенно улыбнулась.

Взяв за руку, он приблизился к ней вплотную и крепко обнял.

– Я люблю тебя, Маша! Я жить без тебя не могу!

– Да, врешь ты, поди, все!

Но Виктор Иванович уже впопыхах расстегивал пуговички ее халата.

– У меня вещь-док имеется!

– Ну, и где – он у тебя вещь-док-то?! Далеко спрятал? Или, как полагается, до суда на хранение сдал?

– Ну, что – ты! Без него мне никак нельзя!

– Это – еще почему? – с притворным удивлением спросила Мария Сергеевна.

– Преступления не раскрою!

– Тогда и наказания не будет?

– А, ты хочешь, чтоб я тебя наказал?

– Я только об этом и мечтаю!

– Ма, мент тебе деньги отдал? – первым делом спросил

Глеб, когда утром Виктор Иванович ушел на дежурство.

– Отдал... – неуверенно ответила Марья Сергеевна.

– Все?

Нож, которым мать резала хлеб, вдруг выпал у нее из рук. Она едва не поранилась.

– Да, будет тебе, Глеб, допросы мне устраивать!..

– Понятно!

Марья Сергеевна как будто бы была довольна тем, что Виктор Иванович снова объявился в ее жизни, и в то же время что-то огорчало ее, хотя она изо всех сил старалась не показывать виду.

– А ты не спросила его, почему он так долго к нам не приходил?

– Глеб! – взорвалась мать. – Я, кажется, просила тебя не говорить на эту тему!

Но сын упрямо стоял на своем.

– Ма! Открой глаза! Неужели, ты – совсем слепая... У него есть другая женщина!

– Что? Что ты сказал?!

Ноги Марьи Сергеевны подкосились. Забыв про завтрак, который готовила Глебу, она медленно присела на самый краешек стула.

– С чего ты взял?! Ты нарочно мне такое говоришь! Что-бы позлить... – наконец, сказала она.

Глеб скорчил презрительную мину в ответ.

– Ну, конечно! Ты, как в лужу глядела! Именно позлить... Делать-то мне все равно больше нечего!

Марья Сергеевна часто захлопала ресницами, и глаза ее, аж, до самых краев невольно наполнились слезами.

Глеб хоть и был еще совсем юн и плохо разбирался в этой жизни, прекрасно понимал, что Марья Сергеевна изо всех сил будет цепляться за свое дутое бабье счастье, а, значит, за этого проходимца из ментовки, который так умело играл на струнах ее доверчивого сердца. И ему вдруг до боли стало жаль мать и себя. Он готов был покровсать этого Витю на куски. Но тогда...

– Ма! Не плачь! Не стоит он того... Может, мне поговорить с ним, как мужчине с женщиной?

Марья Сергеевна даже не пыталась скрыть слез.

– А – что, если ты ошибаешься?

– Я? Ошибаюсь?!

Глеб даже побагровел от возмущения.

– Да, я сам видел, как он облапывал ее, девку эту, со всех сторон, точно собственную вещь.

И нахмурившись, Глеб добавил.

– Даже могу сказать, где и когда это было! Сказать?

Марья Сергеевна с грустью посмотрела на сына.

– Ну, и, где же, это было? – почти безразлично спроси-

ла она.

– В парке! В парке Горького! Я как раз с тренировки тогда шел... А он... Он сидел с ней на скамейке.

Глеб заметил, как огонек ревности зажегся и погас в глазах его матери.

– И, как давно, это было, если не секрет?

– Какой секрет-то, МА?! Недели две назад. Как раз, когда по его словам, он был в командировке... Деньги, которые у тебя занял, он на эту фифу и ухлопал, как я полагаю.

Марья Сергеевна, склонив голову, закрыла лицо руками.

– Какая мерзость, если это – так!

– Даже не сомневайся! Я ведь тогда решил за ними проследить до самого дома... Ну, где, скорее всего, они... Они недолго на скамейке-то миловались!..

– Не смей! Не смей так говорить!

Как ни старалась Марья Сергеевна успокоиться, слезы ее не прекращались. Отняв от мокрого лица ладони, она почти с ненавистью посмотрела на сына.

– Не дорос ты еще о таких вещах рассуждать! К тому же, это, всего лишь, твои предположения!

Марья Сергеевна была близка к истерике. Но обида Глеба за мать была сильнее жалости к ней.

– Это – не предположения! Я вошел вслед за ними в подъезд... Уже там все и началось...

– Какой ты – безжалостный, Глеб! – вне себя от бушевавшей в ее груди

ревности и обиды на сожителя воскликнула Марья Сергеевна. – Лучше бы ты ничего мне не говорил!

– Ма! – искренне возмутился Глеб. – Да, кто ж тебе еще, как не я, откроет глаза на правду?!

Марья Сергеевна с отчаянием посмотрела на сына.

– Да, к чему мне нужна твоя правда, если от нее мне хоть караул кричи?!

Мария Сергеевна еще некоторое время сидела на стуле, неподвижно глядя в одну точку. Шокированная тем, что ей сообщил Глеб, она словно не замечала его присутствия.

– Ну, как хочешь, ма! Можешь считать, что я тебе ничего не говорил!.. Только я не понимаю, как ты можешь жить под одной крышей с предателем? Этак, он о тебя каждый раз ноги вытирать будет...

И повернувшись к матери спиной, Глеб решительно направился прочь.

– Нет, постой! Постой, сынок!

Глеб нехотя остановился.

– Ну, чего тебе еще от меня надо? – почти зло спросил он.

– Адрес... То есть, где живет та самая особа, ты мне можешь показать?..

...В этот раз Виктор Иванович снова не пришел ночевать. Он позвонил и сказал, что у него – ночное дежурство.

– Ты сильно не беспокойся, Маша! Ложись спать! Люблю тебя! Люблю и целую...

Именно так и сказал. Вот – сукин кот!

– И я тебя люблю! – стараясь не выдать внутреннего волнения и недовольства, ответила Мария Сергеевна.

С самого утра, едва рассвело, Мария Сергеевна и Глеб уже стояли напротив того самого подъезда пятиэтажки, из которого по их расчетам вскоре должны были появиться Виктор Иванович и объект его тайного вожделения. Они стояли шагах в пятидесяти от него, надежно укрывшись за стволами тополей. Так, что при всем желании, выйдя из жилого дома, Виктор Иванович, вряд ли, мог бы обнаружить их присутствие.

– Ма! Ну, скажи, для чего мы здесь торчим? Ты – что, не веришь мне?

Глеба ужасно раздражало, что его мать испытывала, видимо, настолько сильные чувства к этому иуде и проходимцу, что притащила его сюда в такую рань. Разве, стоил этот мерзкий тип ее слез и того, чтобы из-за него так унижаться? В конце концов, он для нее – никто! Обыкновенный сожигатель, который, не вернув долга, ел ее хлеб, спал в ее постели и в глубине своей подлой души, наверняка, подсмеивался над ней! Чего она цеплялась за его лживую любовь и скупые ласки, как утопающий за соломинку? Этого Глеб и вправду не понимал. Он отказывался верить, что этот Виктор Иванович окрутил его мать так, что без него она теперь и шагу не могла ступить. Неужели, у ней не осталось ни капельки собственной гордости и человеческого достоинства? Эта

мысль невольно заставляла страдать и Глеба. Гнала бы его в шею, и – все тут! Чтобы больше никогда и ни при каких обстоятельствах ноги Виктора Ивановича не было в их доме! Как бы Глеб был благодарен ей за это!.. Наверно, ради этого он даже бросил бы посещать бокс...

– Не веришь?

Но Мария Сергеевна даже не повернула головы в сторону Глеба.

– Верю! – не громко ответила она. – Но во всем хочу убедиться собственными глазами...

Едва она произнесла это, как из подъезда тотчас показался Виктор Иванович и вслед за ним... Она!

Это была изящная и стройная шатенка, причем, раза в два моложе Марьи Сергеевны. В руке она держала ведро с мусором.

– Вот – шлюха! Что он в ней нашел?

Прежде, чем попрощаться, она повисла у него на шее, обхватив ее одной рукой, и чмокнула в щеку. Затем игриво помахав ладошкой, не спеша направилась к мусорному баку.

Как только Виктор Иванович свернул за угол дома, Марья Сергеевна и Глеб тотчас кинулись к подъезду. Шатенка уже входила в него... Они взбежали на крыльцо, едва лоб в лоб не столкнувшись с кем-то из жильцов дома.

Обманутая женщина и ее сын настигли обольстительную красотку, когда та, уже ступала за порог собственной квартиры...

– Простите! – окликнула ее Мария Сергеевна.

Та с удивлением оглянулась.

– Чего вам надо?

Ее темные брови нахмурились, отчего лицо сделалось гораздо менее привлекательным, чем еще несколько секунд назад.

– Да, так! Пара вопросов и – только! – запыхавшись, с трудом вымолвила Марья Сергеевна.

Приблизившись почти вплотную, неожиданно она со всего маху вlepила смазливой девчонке такую затрещину, что та с трудом удержалась на ногах. Ее бледное личико исказили горькое недоумение, боль и страх. Через мгновение от пронзительного визга, эхом прокатившегося по подъезду, у Глеба едва перепонки не лопнули.

– Будешь знать, как с чужими мужиками шашни водить! Сука!

Если б Глеб вовремя не схватил за руки мать, последовала бы неминуемая расправа, последствия которой могли быть весьма плачевны. Воспользовавшись паузой, пассия Головнина, видимо, не первая и не последняя в списке особ, деливших с ним одну постель, стремглав метнулась в раскрытую настежь дверь, которая через мгновение с шумом захлопнулась.

– Ма! Ты – что? Ты с ума спятила? – всю обратную дорогу домой никак не мог успокоиться Глеб. – Ты представляешь, что будет, когда эта вертихвостка пожалуется своему

мартовскому коту?

– И пусть! Пусть жалуется! Будет знать, как на чужое добро зариться!

– Да, он – такой же твой, как и – ее!

– Ты что себе позволяешь?! – рявкнул Виктор Иванович прямо с порога.

Лицо его было красным от волнения и гнева.

– Я?! – удивилась Мария Сергеевна. – Не больше того, что позволяешь себе ты! За дурочку меня держать решил? Да, Витя?

– Так, ты – дура и есть, раз осмелилась на такое!

– Это – какое?

– Вот когда я тебя в следственный отдел повесткой вызову, узнаешь «какое»!

– Даже, так? Ну, ну... Далеко пойдешь!

Но Виктор Иванович, словно не слышал ее слов.

– А, где – твой выкормыш? Этот отморозок?! Он – дома или нет?! Я знаю, это – его рук дело...

Но Глеб уже и сам вышел на шум в коридоре из своей комнаты.

– Ты кого выкормышем назвал? Думаешь, погоны нацепил, так все – по одному месту? И долг можно не отдавать и на сторону ходить, и хавчик чужой подгрести на холявку! Хорошо устроился, нечего сказать! Сваливай, давай, с нашей квартиры!

– Вот – так, значит?

Зрачки глаз Виктора Ивановича сузились. Скулы обозна-

чились резче. Его, аж, заколотило всего от злобы.

– А с такими, как ты, по-другому, как видно, нельзя!

– Сынок!.. Витя!..

Видя, что мужчины готовы вот-вот вцепиться друг другу в глотку, Мария Сергеевна широко раскрытыми испуганными глазами смотрела то на одного, то на другого.

– А ну, пошел вон отсюда! Мне с матерью твоей переговорить надо!

С трудом сдерживаясь, Виктор Иванович даже заскрежетал зубами.

– Ну, это – дудки! Ма! А ты, что молчишь? Еще пожалей его!

– Заткнись, сосунок! Кому говорю?!..

– Глеб, иди в свою комнату, прошу тебя!

Но тот даже с места не тронулся.

– Ма! Этот козел душой тебя назвал!.. Если дальше так пойдет, глядишь, он в ход и кулаки пустит! Тебе это надо?

– Ах, ты сопляк!

Схватив Глеба за ворот спортивной куртки, которую тот надел, чтобы отправиться на тренировку, Виктор Иванович рванул его на себя. Но вдруг почувствовал, как что-то вспыхнуло в его мозгу. Сидя на полу, он тряхнул головой, чтобы придти в себя. Но это длилось всего лишь какие-то считанные секунды. После чего Виктор Иванович вскочил на ноги, а его рука непроизвольно потянулась к кобуре. Вскоре черный глазок смерти уже целился прямо в голову Глеба.

– Нет, Витя! Нет!..

Марья Сергеевна бросилась вперед, заслонив собой сына.

– Вот – змееныш! До крови губу рассек! – прохрипел Виктор Иванович и харкнул прямо на пол кровавой слюной.

– Это – тебе за мать! Обидишь, убью!

– Заткнись, выродок! Не в твоём положении условия мне диктовать! Вот пристрелю обоих, и – дело с концом!

По выражению лица Виктора Ивановича было вполне очевидно, что он, вряд ли, намерен шутить.

– Не надо, Витя! Не надо! – дрожащим голосом почти умоляла его Мария Сергеевна. – Прости моего глупого мальчишку! Лет-то ему еще – всего ничего! Сам, поди, таким был...

– Простить?!

Свирепо оскалившись, Виктор Иванович утер кровь, все еще струившуюся из его рассеченной губы.

– Как-то у тебя, Машенька, все легко и просто получается!.. А как же быть с трупом?

И, точно волк на ягненка, Виктор Иванович мрачно посмотрел на сожительницу.

Мария Сергеевна от страха и изумления не могла вымолвить ни слова.

– Боже упаси!!! Каким еще трупом?!! – наконец, с ужасом вырвалось у нее.

– Трупом Светланы!.. Светланы Снегиревой, к которой вы прошлым утром приходили на квартиру и которую твой га-

деныш забил кулаками до смерти!

Ужасно побледнев, Мария Сергеевна свалилась бы в обморок, если бы Глеб вовремя не подхватил ее под руки.

– Ма! Не слушай его, ма! Он на понт нас взять хочет! Никого я не убивал... И ты сама это прекрасно знаешь!

Прислонив Марию Сергеевну к стене, он кинулся на кухню и вскоре вернулся со стаканом воды. Стуча зубами о края стакана, она сделала глоток.

Держа пистолет наготове, Виктор Иванович поманил к себе Глеба рукой.

– Ну, подойди поближе не бойся! Не укушу!

– А я и не боюсь!

Но едва Глеб приблизился, Виктор Иванович, переложив пистолет в левую руку, замахнулся и со всей силы ударил его кулаком в лицо.

– Нет! Прошу тебя, Витя!... Прошу!... – вновь невольно вырвалось у Марии Сергеевны.

– Это – тебе мелочишка на сдачу, подонок! Ну, как? Нравится?

От удара голова юноши слегка качнулась и только. Ему не без труда, но все-таки удалось удержаться на ногах.

Кажется, вполне довольный собой Виктор Иванович сунул пистолет в кобуру и шагнул к двери.

– Вызову повесткой обоих! – все еще дрожа от ярости, с угрозой пообещал он напоследок.

Но, уже ступив за порог, вдруг остановился.

– Я думаю, лет пятнадцать строгача, ты себе схлопотал, сынок!

Всю ночь Мария Сергеевна не сомкнула глаз. А на утро почтальон принесла обещанные повестки.

– Втянула ты нас в историю, ма! – вяло тыкая вилкой в тарелку с картофельным пюре и мучной подливой невесело заметил Глеб, под глазом у которого красовался приметный синяк.

– Ничего, сынок! – как могла, пыталась успокоить его и себя Мария Сергеевна. – Я сегодня пойду к нему туда и все улажу! Вот увидишь, улажу!

– Опять перед этим ублюдком унижаться будешь? – язвил Глеб. – Ничего он нам не сделает! Доказательств-то против нас у него никаких нет!

На глазах у женщины выступили слезы.

– В случае чего... Ты главное не дерзи ему, Глеб! И ничего не возражай...

– Не возражать? А, если он меня мордой в дерьмо тыкать станет?..

Когда Мария Сергеевна вошла в кабинет, Виктор Иванович сидел за столом.

– Проходи! Располагайся!

Он кивнул ей на стул напротив себя.

– Витенька!..

Он нахмурил брови.

– Гражданка свидетельница! Не забывайтесь! Вы здесь – не у себя дома!

Марья Сергеевна удивленно вскинула брови.

– Ах, да! Ну, конечно. Я-то думала, что все еще безразлична тебе, и эта история с той дамочкой, которая...

– Вы хотите сказать, которую жестоко убил ваш сын?!

– Мой сын?!

Женщина с вызовом посмотрела на капитана УГРО.

– Он не имеет к этому никакого отношения! Хотя не скрываю... Я рада! Я рада, что все именно так и произошло!

– Это – почему же?! Грешно радоваться чужому несчастью! И... Преступно!

– Значит, мое чувство к тебе, Витя, преступление! И за него меня нужно судить!

Занервничав, Виктор Иванович даже встал из-за стола.

– Судить будут того, кто совершил убийство!

– Тебе не удастся повесить его на моего сына!

Мария Сергеевна была настроена очень решительно.

Что-то вроде пренебрежительной насмешки появилось на лице капитана и тотчас исчезло.

– Даже, если он не совершал этого преступления, у меня достаточно свидетельских показаний, чтобы упечь его за решетку на долгий срок! На немыслимо долгий срок! Вот – на, прочти!..

И Виктор Иванович протянул папку с документами бывшей сожительнице.

Это были показания некоторых соседей по лестничной площадке. Кроме них имелось еще одно. Но принадлежало гражданину, проживавшему этажом выше. Марья Сергеевна начала с него:

«Проходя мимо двери гражданки Снегиревой, проживающей по адресу ..., я увидел, как из нее выскочил молодой человек...»

Дальше шло описание портрета, по которому этот самый молодой человек, как две капли воды, походил на Глеба. К словесному описанию была приложена бумажная копия фоторобота. Глянув на нее, Мария Сергеевна обмерла.

В своих показаниях соседи по лестничной площадке утверждали, что когда Снегиреву убивали, она не просто истерично голосила. Она орала благим матом и умоляла убийцу не лишать ее жизни и при этом примерно дважды очень громко выкрикнула его имя. Не трудно догадаться, что это было за имя!

– Вранье – все это! Вранье! Белыми нитками по воде шито!

– Нитками, говоришь?!

В тоне Головнина явственно прозвучали угрожающие нотки.

– А то, что отец Глеба теперь на зоне срок отбывает – это тоже вранье?! Скажи, кому судья больше поверит, мне – капитану уголовного розыска, за всю службу не имевшему ни одного взыскания, или сыну уголовника?

Марии Сергеевне на это нечего было возразить. А, если бы и было, то стоило ли? Ведь закон всегда был и будет на стороне таких, как Головнин!

– Теперь ты понимаешь, что твоему выродку не открытись?! Срок ему обеспечен!..

Уверенный тон и доводы капитана подействовали на Марию Сергеевну, точно холодный отрезвляющий душ. Что-то вдруг разом надломилось внутри нее.

– Обеспечен?

– Вот то-то и оно! Если, конечно...

Женщина подняла на Виктора Ивановича глаза, в которых наряду с отчаянием вдруг затеплился слабый огонек надежды.

– Что «конечно-то»? Что?! Раз, так, не тяни душу! Говори!

Но Головнин был не так прост, как это могло показаться на первый взгляд. Поэтому, полагая, что Мария Сергеевна еще не совсем созрела для вполне откровенного разговора, до поры хранил молчание

– Витя! Глебу, всего лишь, только – шестнадцать! Ему – нельзя в тюрьму... Я этого просто не вынесу! Он при родном отце горя через край хватил, а теперь вот... Сделай что-нибудь! Я тебя умоляю! Я на все согласна...

– Правда, согласна?

– Вот тебе – крест!

И Марья Сергеевна набожно перекрестилась.

– Я, конечно, попробую сделать все, что в моих силах... Следствие-то не я веду. Улик против твоего Глеба много!..

– Так, не виноват же он! Сам, поди, знаешь!

Жевалки на скулах Виктора Ивановича медленно, словно жернова, перемалывающие чужую душу, заходили под кожей.

– Ты мне это брось! Я ничего не знаю, да и знать не хочу!..

Женщина согласно кивнула.

– Да, это я так, к слову! Само собой вырвалось это у меня как-то... Нечаянно...

– Вырвалось! – передразнивая свидетельницу, повторил капитан. – Слово – не воробей! Вылетело...

Потом, почесав затылок, он добавил:

– Кто придумал эту дурацкую пословицу, не знаешь? Воробья-то тоже невозможно поймать! Поди-ка, вон, попробуй! Это тебе – не гоп-стопник какой...

– Ну, так что, Витенька? Зайдешь вечером?

Мария Сергеевна, вся трясаясь от недоброго предчувствия, ждала ответа.

– Не знаю! Даже не знаю, что тебе сказать! Мне подумать надо. Крепко подумать, как с тобой и твоим парнем быть? Если он на нары пойдет, то и тебя за собой потянет. Ведь ты вместе с ним в то утро была. Выходит, ты – соучастница тяжкого преступления!..

Виктор Иванович позвонил Марье Сергеевне через пару дней.

– Витя, так ты нас выручишь? – спросила она жалобным голосом.

– Не телефонный – это разговор!

– Я понимаю!

– Жди часов в семь, не раньше!..

– Что тебе приготовить на ужин?

Но Виктор Иванович уже положил трубку.

Капитан Головнин появился в квартире Горнов часов в девять вечера.

– Здравствуй, Витя! Проходи!.. – приветствовала его Мария Сергеевна с таким выражением на лице, словно она милостыню просила.

– Конечно, пройду! Не у порога же мне стоять...

– Витя я тут ужин тебе приготовила! Ты бы руки помыл, и – за стол!

Но он, вдруг взяв ее за руку, грубо притянул к себе. Впившись в губы, повалил прямо на пол...

– Не надо, Витя! Не на...

Слава богу, что Глеба не было дома. Мария Сергеевна заранее предупредила его о приходе Виктора Ивановича и попросила в этот вечер навестить кого-нибудь из друзей, чтобы

возвратиться домой позднее.

«Неужели, я стала мазохисткой?» – с удивлением подумала про себя она, когда все закончилось.

Головнин пугал ее. А после того, как притянул в уголовку повесткой, вдобавок вызывал в ней острое чувство досады и отвращения. И в то же время, вопреки этому, ее неосознанно тянуло к Виктору. Женщине нужен был властный мужчина. Ей хотелось подчиняться ему и чувствовать его сильную руку.

...Посредине стола, уставленного холодной закуской и горячими блюдами, стояла бутылка водки. Заметив это, Виктор Иванович слегка поморщился.

– Ты же знаешь, я не пью!

– Как? – удивилась хлебосольная хозяйка.

– Вот так! Уже целую неделю!..

Сказав это, Головнин доверху наполнил граненый стаканчик водкой и тотчас залпом осушил его.

– Ешь, Витя, ешь, пока горячее... Вот – огурчики малосольные, а это – картошечка...

– Да, вижу! Не слепой!

Хрястнув огурцом, он с прищуром посмотрел на хозяйку.

– Задобрить меня хочешь? Не выйдет! Так и знай...

Сразу вся как-то сникнув, Мария Сергеевна медленно опустилась на стул.

– Так, значит, не поможешь?

Головнин снова посмотрел на нее, точно хотел сожрать

вместе с гарниром из вареного риса и говяжьим филе, которые дымились на столе.

– Помогу! Почему – нет? Но все имеет свою цену!

В свою очередь Марья Сергеевна, неотрывно глядя на Виктора Ивановича, словно кролик на удава, пыталась понять: о чем это – он?

– И какова же – эта самая цена?

Головнин снова до верху наполнил граненый стаканчик.

– Ты, ведь, хочешь, чтоб мы возобновили прежние отношения?

Женщина неуверенно кивнула. Честно говоря, в тот момент она и сама не знала, стоило ли ей продолжать сожительствовать с Виктором Ивановичем или нет? Но теперь, как видно, она уже не являлась хозяйкой собственной судьбы. Сознать это было горько! Горько и ужасно!

– Тогда Глеб... Пусть он... Короче! Скажешь ему, что он – уже взрослый! Через год с немногим в армию уйдет. А тебе надо собственную жизнь устраивать...

– Я не понимаю... – едва слышно сказала Мария Сергеевна.

– Да, чего тут непонятного!

Головнин, кажется, начал терять терпение.

– Третий лишний он – здесь! И тебе и мне – помеха! Поэтому...

– Как – третий?... Ты хочешь...

Внутри у Марии Сергеевны все задрожало, будто ей нож

к горлу приставили. На лице отразились растерянность и панический ужас, словно несчастную женщину в гроб заживо положить собрались.

– Да, хочу! И чтоб ноги его здесь не было!

– Но куда? Куда он пойдет?! – в отчаянии воскликнула Мария Сергеевна.

– А куда хочет! – вдруг ни с того, сего рассвирепев, прорычал Головнин. – Катится пусть ко всем чертям отсюда! Если, конечно, не хочет, чтоб я его на нары определил! Поняла, дура! Мать твою!

Брови Марии Сергеевны медленно сошлись у переносицы. Так, что между ними образовалась глубокая морщинка.

– Нет, Витя! Ты, конечно, извини, но этому не бывать!

– Что?!! Что ты сказала?

Головнин потянулся рукой к кобуре. Щелкнул затвор. Лицо капитана УГРО перекосилось от злобы. Схватив женщину за горло, он приставил дуло к самому ее виску. Глядя прямо ему в глаза, полные безумия, Мария Сергеевна вдруг ощутила, как руки и ноги ее немеют от жутки, а душа словно отрывается от тела.

– Сначала я тебя пристрелю, а потом!.. Потом – щенка твоего!.. Скажу, что при задержании пытались меня убить! – сквозь зубы процедил Головнин.

Когда он вложил пистолет в кобуру, Мария Сергеевна, зажав рот ладошкой, беззвучно зарыдала, сотрясаясь всем телом.

Но Головнин будто бы даже не заметил этого.

– Усвоила, спрашиваю?

Сделав над собой усилие, женщина лихорадочно закивала.

Больше она не смела ему возражать. Она была в полной его власти.

– Да! Чуть не забыл! Выпишешь его из квартиры...

Немного подумав, Виктор Иванович продолжил.

– Так легче тебе будет рассчитаться со мной за услугу! Усекла?

Хозяйка квартиры вновь согласно кивнула.

– А ты как хотела?.. Отпрыск твой под ногами у меня путаться не будет! А эту жилплощадь со временем ты оформишь на меня по договору купли-продажи! Догнала?

На Марии Сергеевне, казалось, лица не было, когда она, наконец, отчетливо поняла, чего от нее требует Головнин.

Но как будто бы это ничуть его не обескуражило. Вместо прощания он заметил:

– Ты у меня про цену спрашивала? Спрашивала! Я тебе ее назвал... Сообщишь, когда сопляк с квартиры съедет...

Едва, хлопнув входной дверью, он вышел в подъезд, Мария Сергеевна услышала, как зазвонил его сотовый. Она кинулась из кухни в прихожую и прислонила ухо к двери.

– Да! Я слушаю... Нет, дела заводить не надо! Не надо я сказал... У тебя что-то со слухом не в порядке, дружище?.. Показания свидетелей – ко мне на стол. Завтра я решу, что

с ними делать.

– Глеб! – сказала Мария Сергеевна, когда тот, умывшись, невозмутимо принялся за завтрак.

– Что – «Глеб»? – набив рот жареной колбасой с луком, с трудом произнес юноша. – Я уже почти семнадцать лет, как Глеб! Ты, разве, не знала об этом?

Женщина стояла в шаге от стола и, с трудом сдерживая слезы, с болью в сердце посмотрела на него. Сын ее сильно вырос и возмужал. Он был уже почти взрослым. Его открытый и в то же время дерзкий взгляд серых глаз, прямой слегка приплюснутый нос, широкая улыбка – все это было ее, родное, и вызывало тихий восторг и умиление.

– Я могу тебя попросить кое о чем?

Глеб даже не взглянул на мать, стараясь быстрее покончить с завтраком, чтобы не опоздать в школу.

– Я, кажется, догадываюсь, о чем, ты меня хочешь попросить!

Так, ты так бы и говорила, что речь пойдет не «кое о чем», а «кое о ком»! То есть, об этом подонке Головнине! Скажи, разве, я не прав?..

Мария Сергеевна отвела взгляд, стараясь не смотреть в глаза сыну.

– Ты не мог бы какое-то время пожить у бабушки?

Глеб едва не поперхнулся очередной порцией перловки...

– Я?! У бабушки? Но почему?!

Мария Сергеевна в расстройстве чувств едва не прокусила губу до крови.

– Понимаешь... Виктор Иванович... Он... Он угрожал мне! И я боюсь... Чтобы он не причинил тебе зла! Тебе лучше какое-то время не показываться дома... Так будет спокойней тебе и мне!..

Вытаращив глаза, Глеб смотрел на мать, не мигая.

– Но я... Я не сделал никому ничего плохого! За что он будет меня преследовать?! Ма, ты – в своем уме?

Как ни крепилась Мария Сергеевна, слезы навернувшись на глаза, потекли по ее щекам тоненькими ручейками.

– Глеб!

Это восклицание, казалось, вырвалось из самого ее сердца. И Глеб не мог на него не отреагировать. Жалость к матери и к самому себе вдруг пронзила его насквозь.

– Ты – что? Снова хочешь жить с этим отморозком?! А я... Я стал для тебя помехой?..

– Нет, Глеб! Нет!

Мария Сергеевна, шагнув навстречу сыну, прижала его голову к своей груди.

– Тогда говори правду, ма! Говори так, как есть!

– Поверь... Поверь мне!

Женщина изо всех сил тщетно старалась взять себя в руки.

– Тебе лучше не знать этой правды!.. И ни о чем не спра-

шивать...

Глеб попытался высвободиться из объятий матери.

– Значит, ты все лжешь! И этот... Этот оборотень в погонах стал тебе дороже родного сына! Да и был ли твой сын...

Глеб умолк оттого, что, не в меру расчувствовавшись, дальше не мог произнести ни слова.

Наконец, большим усилием воли он овладел собой.

– ...Когда-нибудь дорог тебе вообще?!

Встав из-за стола, юноша бросился в свою комнату.

– Глеб! Погоди, сынок!

Но тот уже выскочил из квартиры, даже не попытавшись прикрыть за собой дверь.

– Желаю тебе счастья, ма! – эхом донеслось до Марии Сергеевны из подъезда.

Спортрота, в которую попал служить Глеб, постоянно выезжала то на полковые, то на дивизионные, а то на армейские соревнования. Тренер хвалил подопечного.

– Быть тебе, Глеб, чемпионом, если норова хватит продолжать в том же духе! Ты, ведь, хочешь стать чемпионом?

– Конечно, хочу!.. – отвечал Глеб.

– Верю, что хочешь!

И Владимир Степанович Малой дружески хлопал его по плечу.

Тренер был человек среднего роста. Сухопарый. С виду немного угрюмый и замкнутый. Но, когда вдруг изредка улыбался, маска угрюмости тотчас спадала с его лица, и, казалось, миру являлся совершенно другой человек. Тот, которого подопечные Малого не знали прежде.

О себе Владимир Степанович никогда ничего не рассказывал. Возможно, не хотел. Или же оттого, что никто особенно не интересовался его личной жизнью. Но работу он свою любил, и о молодых ребятах, которые решили всецело посвятить себя спорту, по-своему, заботился. Следил, чтоб режим соблюдали. Кормежка была на должном уровне. На тренировках же спуску не давал. Но в отношении Глеба этого вовсе не требовалось...

Горн буквально изматывал себя ежедневными трениров-

ками, а перед глазами у него так и стояли серые обшарпанные хрущевки его захудалого моногородики. Иногда же, перед его мысленным взором всплывало лицо матери. Изможденное, осунувшееся. Писем он ей не писал. До того, как Глеба забрали в армию, она навещала его не раз у бабушки. Но когда она появлялась, он демонстративно одевался и тут же выходил из избы на улицу. Ему не хотелось с ней разговаривать. Он был зол на нее и даже презирал. Или только делал вид? А в глубине души его тянуло к ней? Хотелось прижать к груди? И высказать все, что у него накипело в его измученном сердце? Но Глеб не давал волю чувствам.

А когда он представлял себе мерзкую физиономию Головнина, то приходил в бешенство. Ему казалось, он наносит сокрушительные серии ударов не по боксерскому мешку, а по физиономии и торсу Виктора Ивановича. А тому хоть бы хны! Ничего ему не делалось... Подлец! Вот – подлец! Навязался ты на мою голову! Щас получишь у меня! Как следует, получишь!

Не икалось ли Головнину в это время? Не харкал ли он кровью? Этого Глеб не знал. Да и не желал знать. Ему просто хотелось избавиться от всяких мыслей о доме и Викторе Ивановиче, который теперь благополучно сожительствовавал с его матерью и, наверняка, мучил ее. Уничтожал морально. Ведь для таких, как этот Головнин, пить чужую кровь – в порядке вещей!

Глеб лупил мешок до тех пор, пока не валился с ног

от усталости.

– Послезавтра у тебя бой с Чердынцевым! – предупредил тренер. – Не забыл? Чемпион армии, между прочим!

Присев на скамейку Глеб устало утер полотенцем мокрое от пота лицо.

– Я сделаю его, тренер!

– Не говори гоп!..

И наставник сурово посмотрел на Глеба.

– Ладно! Иди в душ... А завтра мы с тобой еще раз потолкуем о тактике боя. Только помни. Если пропустишь правый крюк Чердынцева... Ляжешь! Ляжешь и уже не встанешь. Понял меня?.. То-то!

В воинском подразделении, где числился Глеб насчитывалось примерно два десятка человек. Команда легкоатлетов, борцы, пятиборцы и боксеры. Боксеров было двое. Он и Вован Шмаков. Как и у всех, только что пришедших служить в армию, у Вована были коротко-стриженные волосы, смуглая кожа и всегда настороженный взгляд больших светло-карих глаз. Словно незримый Дамоклов меч, вознесшись над ним, и впрямь, мог в любой момент опуститься ему на голову!.. Шмаков считался не плохим бойцом, но в нем не хватало напора. Он был техничен, но не обладал нокаутирующим ударом. Шмаков прекрасно знал о своих достоинствах и недостатках и не обижался, когда тренер против сильного противника выпускал на ринг Глеба. Победы нужны ему были, чтобы штабное начальство не говорило, что он ел свой хлеб зря. Поэтому Шмаков гораздо реже выходил для поединка. То есть бился тогда, когда противник был откровенно слабым или же не настолько силен, чтобы Вован не мог ему противостоять.

– «Мастера спорта» получу, уйду на тренерскую работу! – делился своими планами Шмаков. – Тренерская работа – это мое! Нюхом чую, что – мое!

– Сначала получи! – осаживал его Глеб. – А то размечтался...

– А как, ты думал? С мечты все и начинается!

Вован не обижался на Глеба. Ведь они были хорошими товарищами. И потому держались друг друга. Почти все свободное время, которого было не так много, проводили вместе. Рассказывали по очереди о былом житье-бытье на гражданке. Иногда ходили в полковой клуб, где крутили кино.

– А девушка у тебя есть? – как-то спросил Вован.

Глеб даже немного растерялся, не зная, что ответить.

– Да, так! Переписываюсь с одной... Инга зовут! В одном классе вместе учились.

– Что пишет-то? – вновь с усмешкой поинтересовался Вован.

Глеб небрежно махнул рукой.

– Как – служба? Как – здоровье?... Спрашивает... Мол, в институт поступила... И – все такое. Ничего – особенного!

В глазах Вована невольно зажглось любопытство: уж не скромничает ли его друг? Может быть, не хочет всего рассказывать?

– Ну, а она – тебе, как? Нравится?

– Вот же пристал! – нахмурился Глеб. – Что толку-то, что нравится? Я – здесь, а она – там! Между нами – тысячи километров!

– Это ничего не значит! – высказал свое мнение Вован. – Если она отвечает на твои письма, значит, у ней пока что нет никого. И для тебя, приятель, не все потеряно! Если, конечно, сопли жевать не будешь. Ты, ведь, скоро в отпуск по-

едешь... Разве, забыл, что тренер обещал? Мол, бой проведешь и... Предложи ей встретиться!..

– Спасибо тебе, Вован, за добрый совет!

Глебу явно не хотелось продолжать этот разговор.

– Но я как-нибудь сам разберусь со своей личной жизнью!

Наконец, оставшись один, Горн достал из-под матраца на койке, где он спал, слегка примятую, но довольно толстую с плотными виниловыми обложками, тетрадь. В ней он хранил фотографию Инги, не опасаясь, что под тяжестью его собственного тела во время сна, она помнется тоже... Фотка была в идеальном состоянии, а глянец на ней ничуть не утратил первоначальный блеск... Инга смотрела с нее на Глеба, как живая!.. Русые волосы, смеющиеся глаза, едва приметная ямочка на подбородке...

Оглядевшись по сторонам, Глеб аккуратно положил фото в тетрадь, которую так, чтоб никто не видел, тотчас спрятал под матрац...

Когда до боя оставалось часа три, тренер нагрянул в спортроту.

– Ну, и – как? Как – твоё настроение?

– Лучше не бывает! – коротко ответил Глеб.

– Это – хорошо! – сказал тренер. – Значит, как бы ни старался, я не смогу тебе его испортить!

Глеб подозрительно посмотрел на тренера. Но по его лицу ничего нельзя было определить.

– Послушай меня, Глеб!

Кивнув на кровать, он добавил:

– Давай присядем!

Такое предисловие не сулило Глебу ничего хорошего.

– Вы меня пугаете, тренер!

Достав платок из кармана, тот нервно промокнул пот на лбу, а потом на затылке, абсолютно лишенном волосяного покрова.

– Я и сам не меньше твоего напуган!

Глеб беспокойно заерзал на месте. Затем, привстав с кровати, опустился на нее вновь.

– Да, не тяните, Степаныч! Говорите, в чем – дело?

Степаныч поспешно сунул платок в карман.

– Бой с Чердынцевым отменяется!.. Но!.. Ты будешь драться с другим противником!

Глеб облегченно вздохнул.

– Чего ж вы тогда боитесь! Сами говорили, равного Чердынцеву во всей армии не сыскать!

В ответ тренер матерно выругался, чем немало удивил Глеба, поскольку мат он слышал из уст Степаныча впервые.

– Не в этом – дело!

– Тогда – в чем?

Глеб, казалось, прожигал взглядом тренера насквозь.

– Ты будешь драться с племянником генерала армии! Вот – в чем!

Горн равнодушно пожал плечами.

– Да, хоть – с самим чертом!

– Дурак ты, братец, или прикидываешься им! Черт – против генерала армии, знаешь, кто? Пустое место!

На лице Глеба мелькнуло сомнение. Кажется, он начинал догадываться, почем фунт лиха.

– Тебе придется...

Чтобы скрыть неловкость, Степаныч, сжал кисть в кулак и, поднеся его ко рту, кашлянул.

– Тебе... Лечь под него придется! Вот, что я хотел сказать!

– Лечь?! О чем – это, вы, тренер?!

Казалось, Глеб ушам своим не верил. Может, он и впрямь ослышался?

– А вот – о том! Что, глухой? Не слышал?

– Ну, это – дудки!

– Поговори мне еще, умник! – вспыхнул тренер. – В ли-

нейные войска пойдешь служить! Рядовым! До самого дем-
беля...

Племянник генерала, хоть и имел звание мастера спорта, драться не умел совсем. «Наверно привык, чтоб ему все подавались!» – подумал Глеб, когда с левой долбанул его точно в челюсть. Тот едва удержался на ногах. На физию его появилась легкая досада и удивление. Что, не нравится? Это – тебе не боксерская груша, что сдачи не может дать! Уразумел?

Скосив глаза, за пределами ринга Глеб увидел бледное, почти испуганное лицо Степаныча. Наверно, боится, что, если этот хлыщ меня не отделаает, без работы останется или того хуже... Неподалеку от него в первых рядах зрительского зала сидел дородный и очень высокомерный мужчина в генеральском мундире. Рядом с ним располагались другие высокие чины. Чуть поодаль – штабные офицеры. Было заметно, что они также недовольны началом боя.

Да, плевать мне на вас, плевать! Сделав нырок, Глеб провел серию мощных ударов по корпусу того, кто должен был стать новым чемпионом армии.

– Держись, Костя! И поддай ему! Поддай, как следует! Ты ведь можешь! – послышался женский голос из первых рядов ринга.

Метнув взгляд за канаты, Глеб увидел белокурую девушку. Как ему показалось, она была ослепительно хороша. Надо ж! Самые лучшие девчонки тоже лохам достаются! Глеб

начинал злиться всерьез. Придется пощекотать им нервы... Ну, берегись, Костик!

Тот хоть и был на пол головы выше ростом и примерно на десяток кило тяжелее, для такого мастера, каким являлся Глеб, это не имело никакого значения. С самых первых секунд боя, Горн почувствовал полное превосходство над племянником генерала.

Глеб снова ринулся в атаку. И на этот раз Костик опять пропустил удар в голову... Он зашатался... И, кажется, поплыл. Надо его добить!.. Но, как только Глеб подумал об этом, очутившись между ними, судья крикнул «Брэк!» Подойдя к Костику, он что-то спросил у него. Но тот жестом показал, что все – в порядке, и он готов продолжать бой. Почему судья не зачел Глебу нокдаун? Ведь был явный нокдаун! Вот – изверги! Видать за его спиной они все тут заранее обо всем договорились... Это немного расстроило и даже обидело Глеба. Но он молча проглотил обиду.

– Ты охренел?! – перекрикивая неистовствующие трибуны, заполненные в основном солдатами, сержантами и офицерами, не считая гражданских из пригорода, где базировался мотострелковый полк, на довольствии которого состояла спорторота, заорал ему Степаныч в самое ухо. – Еще один такой раунд, и нам живыми отсюда не выйти!

– Неужели, все – так серьезно? – с наивным удивлением спросил Глеб.

– А ты думал?! Дурак! Шутить здесь с тобой не ста-

нут... Или бой прекратят... Это – в лучшем случае! Или пристрелят после того, как ты разделаешь этого племяша под орех, а победу все равно тому, кому следует, присудят... Для генеральского семейства – это бой престижа! Да, и сам этот генерал, говорят, больно лютый... Не прощает никому обид! За глаза его Гробовщиком прозвали. Он Афган, Чечню прошел. Кровь – на нем! Много крови!

Но Глеб справедливо полагал, что не должен был позволять себя мутускать какому-то там генеральскому родственничку!... Тем более, ни за здорово живешь...

Во втором раунде он решил разыграть целую кровавую драму.

Горн то нападал на Костика, то отступал. Вкладываясь на три четверти в удары, он долбал его, но так, чтобы тот оставался при деле. Черт – с ним, пусть пока живет! Зал гудел и стонал, когда, зажав Костика в углу, Глеб методично избивал его. Под конец раунда он рассек ему бровь, и судья остановил бой. На ринг для осмотра травмы выскочил доктор. Но, убедившись, что рана не внушает опасений, разрешил продолжить схватку.

– Глеб, ты – псих! Или ты – тупой! – под визг трибун неистово наседал на подопечного Малой. – Это – конец! Конец – моей тренерской работе! Думал, сколочу команду, настоящую команду... Чемпиона воспитаю! Но из-за такого идиота, как ты...

– Да, ты очумел, Степаныч?! Из кого ты хотел чемпиона

воспитать? Из генеральского племяша?

– Из тебя! Из тебя, недоумка! Племяш сразу после боя в Америку на постоянное место жительства вместе со своей молодой супругой отбывает...

Когда прозвучал гонг, Глеб заметил, как к его тренеру приблизился кто-то из штабных офицеров и что-то начал быстро говорить ему, едва не переходя на крик. Хрен – им, а не чемпионское звание!..

– Вали его, Костя, вали!

Это снова был женский голос... Вот – неугомонная!

Глеб, сделав ложный замах правой, юркнул под перчатку Костика, целя в разбитую бровь. Тот попытался уклониться, но на мгновение запоздал. Крюк правой пришелся точно в цель! Кровь хлынув, стала заливать ему глаз. Не дожидаясь, пока вмешается арбитр, Глеб ударил еще дважды. Не устояв, Костик рухнул спиной на канаты. Зал зашумел, заохал, засвистел, заулюлюкал. Офицеры на первых рядах повскакали со своих мест. И только генерал оставался внешне невозмутим и не покидал своего места... Тренер генеральского племяша выкинул белое полотенце на центр ринга. Но судья непреодолимым барьером уже стоял между Глебом и Костиком. Наверно, он играл на публику, так как Костик по-прежнему полулежал на канатах с залитым кровью лицом, а Горн не собирался его добивать.

Оказавшись в своем углу ринга, Глеб услышал, как кто-то из боковых судей объявил, что бой прекращен из-за трав-

мы одного из соперников. В тот же миг Глеб увидел двух санитаров с носилками. Через минуту, уложив на них Костю, почти бегом они вынесли его из зала.

– Нет, ты видел, а?! Степаныч?! – искренне негодовал Глеб, когда очутился вместе с тренером в раздевалке.

Он категорически был не согласен с решением судей.

– Они не присудили мне победу!

Степаныч мрачно посмотрел на подопечного.

– Скорее всего, у тебя теперь другой суд будет!

– О чем ты говоришь, Степаныч?!

– Да, все – о том же!

Словно в подтверждение его слов от удара ногой дверь в раздевалку, распахнувшись, едва не сорвалась с петель. Тотчас в нее ворвались вооруженные автоматами люди. Глеб с запозданием заметил, как приклад взлетел над его головой, а потом все поплыло перед его глазами. Он упал лицом вниз прямо на пол. Горн даже не почувствовал, как, клацнув за спиной, наручники захлопнулись у него на запястьях.

– А с этим что делать? – спросил один из автоматчиков.

– А то, не знаешь! Только не из... А – вот!..

Степаныч ощутил, как его затылка коснулось что-то твердое. Потом раздался хлопок. Очнувшись, Глеб вдруг увидел Степаныча, лежавшего рядом с ним в луже крови.

– Вот – уроды! – со стоном вырывалось у него.

– И что – теперь? – снова раздался голос одного из душегубов в военной форме.

– Старого – на полковую свалку! Да, мусором получше забросать... Искать его, все равно, никто не будет! У него – ни жены, ни детей...

– Это – точно? А то впаяют нам по пятое число...

– Разговоры! Точнее не бывает!

Двое автоматчиков, схватив труп за руки и за ноги, потащили его к выходу.

– Капитан, со вторым, что будем делать? Тоже – в расход!

Но тот, кому задали вопрос, с ответом не торопился.

– В машину – его! А там видно будет...

Наверное, от слабости и потери крови, Глеб снова впал в забытие.

Очнулся Горн оттого, что ему ужасно захотелось пить. Открыв глаза, он увидел, что свет давно уже проник в зарешеченное окошко. Где – он? Что – с ним? Не торопясь, оглядевшись, Горн обнаружил, что он – не в казарме. Вокруг него были серые невзрачные стены. Над ним нависал давно небеленый потолок. К тому же, если решетка – в смехотворно маленьком проеме окна, то, значит, он находился не где-нибудь, а в тюремной камере.

– Вот черт! – невольно вырвалось у Глеба.

Примерно через час после пробуждения, дверное окошечко распахнулось.

– Держи, приятель! Твой завтрак! – заорал конвоир. – Да, пошевеливайся! Много вас тут дармоедов по камерам прохлаждается! А я – один... Всех жратвой снабдить надо...

Скоты, а не люди!

Когда Горн протянул руку, чтобы взять миску с какой-то не особенно аппетитно пахнувшей баландой, конвоир разжал пальцы. Миска с глухим стуком ударилась о цементный пол, и ее содержимое образовало возле ног Горна небольшую исходящую паром лужицу.

– Ну, вот и пожрал! – воскликнул конвоир со смехом. – Говорил, пошевеливайся, растяпа! В следующий раз расторопнее будешь!

Глеб не заметил, как в камере вновь воцарил мрак. Он, кажется, задремал, но потом какой-то посторонний шум, похожий на металлический скрежет прервал его чуткий сон. В глаза ему ударил яркий свет, проникавший в проем приоткрытой двери. Затем в камеру вошли какие-то люди. Лиц он не мог разглядеть. Он увидел только силуэты, которые в руках держали какие-то странные предметы, похожие на биты. Одна из них вдруг, взлетев кверху, резко опустилась вниз. Ужасная боль резанула бок Глеба. Он вскрикнул. После чего удары градом обрушились на него... И сознание его отключилось...

– Хорош, мужики! Хорош, говорю! – скомандовал вдруг один из незваных гостей.

– Смотри-ка, не шевелится! – сказал другой.

– Точно! А мы – это?.. Мы, случаем, не перестарались? Не грохнули его... Хозяин-то велел отутюжить, как следует, да стрелки впопыхах не память...

– Закрой таявало! – снова заметил первый. – Как будто бы живой, хотя хрипит малость...

– Выходит, с задачей справились!

– Да, глохни ты, сказал! Пошли отсюда...

И дверь с шумом вскоре закрылась.

Громко застонав, Глеб еле заметно пошевелил губами с запекшейся на них кровью.

– Кажется, немного ожил! – удовлетворенно заметил человек, одетый в штатское.

– Еще бы! Это и мертвого из гроба поднимет! – сказал тот, кто был в белом халате и с пустым шприцем в руке.

Горн открыл глаза и, тупо глядя на двух незнакомцев, почти беззвучно произнес:

– Я... Тре... бую... Ад... Адвоката!

– Чего? Кого ему надо? – спросил человек в белом халате.

– Да, сам не пойму! Бубнит себе что-то под нос! Бедолага! – ответил тот, что был в сером пиджаке и при галстуке. – Может, и впрямь, потребность какая возникла?

– Ага! Даже не сомневайся, место на кладбище мы тебе закажем, это – точно!.. Четыре ребра сломаны. Челюсть с левой стороны тоже сломана. Затылочная часть черепа пробита... Гематомы – по всему лицу и на теле. На правом предплечье раздроблена кость... Как он еще жив-то остался? Асфальтовый каток, что ли, по нему проехал взад-вперед?

– Ты не рассуждай, профессор! Парня вытащить с того света надо!

– Сам знаю, что надо! Только вот получится ли? Здесь без аппаратуры я, вряд ли, что смогу сделать... В клинику бы

его срочно отвезти, тогда – другой компот!...

Но человек средних лет, невысокого роста, плотного сложения с узким лбом, мясистым носом, широкими скулами, одетый в темно-синий батник с галстуком и серый костюм требовательно посмотрел на него.

– Я за все заплачу, но лечить придется здесь... А для начала вколи ему еще порцию! Э... Не знаю, чем там ты его!..

И штатский матерно выругался.

– Глядишь, дело быстрее пойдет!..

И он перевел свой взгляд на умирающего.

Человек в белом халате достал из саквояжа стеклянную ампулу и, отломив головку, снова наполнил прозрачной жидкостью шприц. Потом взял жгут, ловко перетянув им руку пациента. Едва вена обозначилась четче, игла тут же вошла в нее во второй раз...

Горн опять застонал.

– Слышишь, нет?.. Приятель!.. На-ка, вот, подпиши толмуд!..

И, положив лист бумаги с отпечатанным на нем текстом на табурет, почти вплотную придвинутый к тюремному ложу, он всунул шариковую ручку в безжизненную длань Горна. Но она тут же выскользнула из его пальцев.

Человек в штатском поднял ее...

– Подписывай, а то так и сдохнешь тут зазря!

По тому, как дрогнули ресницы человека, лежавшего на нарах, говоривший догадался, что до сознания того, о ком

он так пекся, хотя и с большим трудом, но как будто бы дошла его мысль.

– Выкупил я тебя из военной тюрьмы! Деньги за тебя заплатил! Солидные деньги! Ты понял?!

В знак согласия Горн слегка пошевелил рукой.

В ответ человек при галстукe предусмотрительно приблизил свое ухо почти к самым его губам.

– Ты – кто? – собравшись с силами, наконец, едва слышно спросил умиравший.

– Я? – удивился человек в сером костюме. – Да, какая тебе – разница! Я – твой ангел-хранитель! А кличут меня Квельый! Понял! Идиот... Подписывай скорей!

Только недели через две, после того, как доктор почти ежедневно стал посещать больного в тюрьме, тот стал постепенно идти на поправку. Дорогостоящие лекарства, кое-что из оборудования, которое пришлось доставить в камеру, и хорошее питание были тому причиной. Спустя следующие две недели Глеб попросил врача, чтоб ему дали возможность глотнуть свежего воздуха. С этого момента тюремный двор оказался в его распоряжении. И почти ежедневно Горн, опираясь на костыли, выходил в него на прогулку.

А по прошествии еще месяца Квелый забрал Горна из опостылевшего ему каземата, располагавшегося примерно в тридцати километрах от города.

– Ну, и куда мы – теперь? – спросил Глеб, усевшись на заднее сидение легкового автомобиля.

– В гостиницу! Куда ж, еще? Извини! Благоустроенного жилья, брат, я тебе не припас. Его заработать надо будет!

Вскоре машина остановилась возле многоэтажного здания. Гостиница называлась «Салют».

– Дней десять поваляешься в кровати... Ну, может, недели две-три!.. Это, как врач скажет... А затем понемногу к тренировкам будешь приступать... Глядишь, через полгода снова на ринг выйдешь...

– И за кого я буду теперь выступать?

Квелый с недоумением посмотрел на него.

– За кого скажу, за того и будешь! Кстати, на – вот, на досуге прочти...

И новый тренер Глеба, а, лучше сказать, хозяин, протянул ему лист бумаги.

– Это – наш с тобой контракт, который ты, лежа на нарах подписывал! Чтобы не было лишних вопросов. В нем все сказано!

Но Глеб даже не взглянул на бумагу.

– Квелый!

– Ну, я – Квелый! Что дальше-то? Говори, не молчи!

Горн согласно кивнул.

– Отпусти меня на несколько дней домой! Мать целую вечность не видел... Как она – там, даже не знаю? Все ли с ней в порядке? Жива ли, здорова?.. Я в срок вернусь. Обещаю!

– Еще бы ты не вернулся! У нас, ты знаешь, что за это бывает?

– Догадываюсь!

В голосе Квелого слышались угрожающие нотки.

– Если не хочешь прежде времени червей в земле кормить, значит, все будешь делать только так, как я скажу, а не иначе!

– Стало быть, отпустишь, Квелый?

Но тот ничего не ответил.

– Я тебе об этом после скажу! А пока...

Вскоре Глеб принимал в гостиничном номере душ. А потом, одевшись, вышел на улицу. Как объяснил Квелый, недо-рогая столовая располагалась примерно в сотне метров от го-стиницы. На питание он выделил Глебу небольшую сумму денег.

– Врач будет посещать тебя раз в три дня!

И Квелый протянул Горну сотовый телефон.

– Чтоб на связи со мной был постоянно! Не ответишь, убью!..

И желчно усмехнувшись, опекун Глеба добавил:

– Ты догадываешься, о чем я речь веду?

– Еще бы! Не сомневайся, Квелый! Все сделаю, как надо!

К матери только повидаться отпусти...

Как узнал потом Глеб, Квелый потому и был Квелым, что с виду он казался таким. Словно вагон угля лопатой разгру-зил, и после этого лень ему было даже лишний раз рукой пошевелить или слово сказать. Последнее делал он особен-но неохотно. Казалось, весь мир и все вокруг ему так осто-чертели, что и смотреть-то он на них не хотел. Но это бы-ла лишь видимость. Позже Горн убедился в этом, когда стал невольным свидетелем того, как Квелый, внезапно рассвире-пев, одним ударом свалил с ног одного из своих подопечных, посмеявшего неліцеприятно отзываться о нем при посторон-них. Квелый раздробил ему глазное яблоко так, что потре-бовалась срочная операция. Правда, лечение потом щедро оплатил, но из спортивного клуба выгнал.

Это Инга еще до памятного боя с генеральским племянником написала Глебу, что мать его уже примерно год живет не по месту бывшей прописки, а в доме, который принадлежал бабуле. После того, как она померла, мать туда и переселилась.

– А как же – наша квартира? – напрасно допытывался Глеб.

Инга отвечала, что об этом ей мало что известно. Слышала сплетни, как будто бы квартирой Горнов завладел бывший сожитель Марии Сергеевны. А, завладев, продал ее. А, может быть, и не сплетни – это вовсе, а горькая, но правда...

Узнав об этом, Глеб ужасно разозлился. Он не мог дождаться, когда, наконец, увидит родную мать и, ничего не перевирая, она расскажет ему все, как есть!.. К тому же, он сильно скучал по ней. Мать, все ж таки! Как ни крути, это был единственно родной ему человек на всей земле!..

В письме Инге Глеб сообщил, что собирается приехать домой, но, когда именно, этого он пока не может сказать.

Лежа на полке и, слушая перестук колес, Глеб незаметно для себя задремал. Ему приснилось, что он – на ринге... Ринг залит светом прожекторов. Справа – судья. Напротив – противник... От удара в голову Горн падает. Придя в себя, видит, как тот, стоя над ним, презрительно указывает на него

пальцем и хохочет...

– Что, съел?! Захотел нашего брата голыми руками взять! На-кась, выкуси!..

Блин!.. Псих ненормальный!

Только теперь Глеб замечает, что над ним потешается не кто-нибудь, а тот самый ненавистный ухажер его матери, Головнин.

Ощущая, как снежинки, кружась, тают у него на щеках и губах, Горн толкнул калитку в усадьбу, в центре которой размещался бабулин дом. Казалось, за время его отсутствия он еще больше посерел и вжался в землю.

Дверь в избу оказалась не запертой.

– Есть, кто живой? – спросил он прямо с порога.

Но ответа не последовало. Зато в нос ему ударил неприятный запах спиртного.

Он вошел в хату и увидел мать. Она лежала на кровати. Глаза ее были прикрыты. Скорее всего, она ничего не знала о его приезде. Да и откуда она могла знать? Инга с ней практически не общалась... А больше донести до Марии Сергеевны весточку о Глебе было некому.

Глеб легонько тронул ее за плечо.

– Ма! Проснись... Ты меня слышишь, ма?!

Она открыла глаза. Но, видимо, полагая, что все еще спит, закрыла снова.

– Ма! Почему ты – здесь? Почему – не в нашей квартире? Ресницы ее дрогнули. Она протерла глаза и села на кро-

вать, все еще не веря, что перед ней – он! Ее сын!

– Глеб! – со стоном вырвалось у нее из груди.

Она протянула к нему руки, и они обнялись. Глеб почувствовал, как жгучие слезы катятся по ее щекам.

– Наконец-то, ты вернулся! Наконец...

– Да, мама, я вернулся!..

– Ты, я надеюсь, насовсем? – часто всхлипывая, с тайной надеждой в голосе спросила она.

Но он не хотел портить радость, которую они испытывали от этой долгожданной для них обоих встречи, поэтому промолчал.

Только теперь Глеб обнаружил, что на столе стояла недопитая бутылка водки.

– Будешь?.. Ведь столько не виделись!

Марья Сергеевна метнулась в кухню и вскоре принесла еще один граненый стакан. Она разлила спиртное.

– Извини, закуски у меня нет! В доме – шаром покати!

Выражение жалкой растерянности и какой-то безысходной тоски мелькнуло на ее лице. Но приезд сына, видимо, заставил хозяйку дома на время забыть о том, что денно и нощно морально подавляло спившуюся женщину. Съедало изнутри. Хмельная искорка сверкнула в глазах Марии Сергеевны.

– Давай, сынок! За встречу! – почти торжественно произнесла она.

И, не дожидаясь его, выпила.

– А – ты? Чего ждешь? – поморщившись, спросила Марья Сергеевна.

– Я не пью, ма! Мне нельзя! Форму берегу...

– А... Ну, да!

Женщина махнула рукой в пустоту. Точно такая же, видимо, до краев заполняла ее душу.

– Ты же у меня – спортсмен! Все кулаками машешь? Чемпионом стать хочешь? Это – вряд ли! Голову, разве, что, себе сломишь!

На лице ее мелькнуло что-то вроде гордости, которую вопреки словам она втайне испытывала за сына. Но это чувство тотчас сменило горькое разочарование из-за собственной не сложившейся судьбы, а потом – апатия... Вероятно, эту апатию вызвала очередная доза алкоголя, которому неспособен был противостоять истощенный регулярными запоями организм Марии Сергеевны.

– Ма! Почему ты – здесь? – снова спросил ее Глеб.

Спросил не только затем, чтобы узнать, что стало с их квартирой, но и для того, чтобы вернуть родительницу к реальной действительности. Хватит уже ей было, витать в хмельных облаках, которые если бы и пролились смрадным дождем на землю, то после... Ничего хорошего из этой земли все равно бы не произросло.

– Я продала квартиру! – сказала Марья Сергеевна, не глядя сыну в глаза.

– А деньги?

– Деньги украли...

– Украли?!!

– Так получилось! Прости, сынок!

Это было слишком!

– Но кому? Кому ты продала квартиру? Может, тебе не заплатили деньги, а ты молчишь?.. Боишься, признаться! А то, как бы чего не вышло...

– Может, и боюсь! Только не за себя, а за... Да и какая теперь – разница?

Глеб схватился обеими руками за голову.

– Как ты могла? Ма? Как ты могла? Ты посмотри на себя. На кого ты стала похожа?.. А – эта нищета!

В самом деле, мебели в доме почти не было. Старая кровать, стол, пара стульев да печь. Даже штор на окнах и тех не имелось.

– Как ты собираешься жить дальше?

– Ничего! Как-нибудь... Работу ищу. Нигде не берут. Алкашки никому не нужны!

И она хрипло рассмеялась.

– Подохну я скоро, Глеб, и – все дела! Так что лучше о себе подумай.

Не в силах сдержать слезы, что покатились по его щеке, Глеб украдкой смахнул ее ладонью.

Встав с кровати и слегка пошатываясь, Мария Сергеевна направилась к подоконнику. На нем лежала какая-то пожелтевшая от времени газетенка. Взяв ее, она вернулась

на прежнее место и протянула ее Глебу.

– Что – это? – спросил он.

– Видишь фотографию?

Она ткнула пальцем в середину одной из страниц.

Приглядевшись, Глеб увидел молодого мужчину в боксерских перчатках. Он стоял на пьедестале и прижимал победный кубок к груди.

– Вот – твой настоящий отец! А тот, что – в тюрьме... Он потому, так и ненавидел меня, потому и пил, что все время подозревал в нечестности... Он был прав! Я забрюхатела тобой вот... От него!

Марья Сергеевна во второй раз ткнула пальцем в фото.

– А вышла замуж за Горна!

– Но – для чего? Для чего ты так сделала? – не удержавшись, спросил Глеб.

– Сама не знаю! Твой настоящий, то есть биологический отец силой завладел мной... И мне стало обидно! Более того! От горя я даже пыталась покончить с собой! Но веревка на перекладине в нашем сарае оборвалась в тот самый момент, когда я повисла на ней! И я решила, что господь хочет, чтобы я жила, и все оставалось так, как есть!.. Я в то время дружила с Горном! Поначалу у нас с ним все было хорошо. Даже слишком хорошо! Мы любили друг друга! И я боялась, что если расскажу ему эту ужасную правду!.. Про изнасилование... То... Тогда нашей любви придет конец!.. Это было бы для меня равносильно медленной и мучительной смер-

ти, еще более худшей, чем та, от которой судьба чудом уже уберегла меня! И я молчала! Как дура!.. Но потом... Потом до Горна стали доходить слухи... Ну, разные там сплетни... А – после, мысль о том, что его обвели вокруг пальца превратилась для него в навязчивую идею. Он не смог с этим нормально жить! И хотя он часто бил меня всем, что под руку попадется, я ни в чем не признавалась ему. Я всегда говорила одно и тоже... Я говорила, что ты – его, Горна, сын...

Мария Сергеевна снова наполнила водкой свой стакан.

– Я боялась, что если он узнает правду, то убьет нас обоих! Ты меня понимаешь, Глеб?! Понимаешь?.. Вот почему я не хотела, чтобы ты занимался этим дурацким боксом...

Глеб уехал от матери с тяжелым сердцем, взяв с нее обещание, что она бросит пить.

– Я буду помогать тебе, ма! Присылать деньги!

Но пассажирский состав уже тронулся, и рев поезда заглушил его слова.

– Молодой человек! Прикройте окно! Не май месяц... – возмутился кто-то из пассажиров.

Мать стояла на перроне и с жалостливым выражением на лице смотрела на сына как в последний раз.

– Ты, почему не отвечал на мои смс и звонки?!

Квелый так посмотрел на Глеба, что тот даже слегка вжал голову в плечи.

– Посеял я твой сотик! Извини! А может, в поезде украли... – соврал Горн.

– На – вот! Возьми мой! Маша – ты, растеряша! А я себе новый куплю!

И, вынув симку из мобильного, он протянул его Горну.

– Спасибо, Квелый! Выручил!

Теперь Глеб мог регулярно звонить матери и держать с ней связь. Но почти каждый звонок был ему, как нож в сердце. Марья Сергеевна либо не отвечала совсем, либо говорила так, что язык ее заплетался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.